

УДК 81-144 + 81-11

**«ПРОШЛОЕ СТРАСТНО ГЛЯДИТСЯ В ГРЯДУЩЕЕ»:
ТВОРЦЫ БУДУЩЕГО РОССИИ В ТЕКСТАХ XIX ВЕКА**

О.А. Солопова

В статье рассматривается один из фреймов метафорического сценария «Будущее России» – «Участники». Материалом для анализа послужили тексты XIX века. Выявлены наиболее частотные метафорические модели, использующиеся в российском политическом дискурсе заявленного исторического периода для концептуализации агентов и клиентов политики Российской Империи.

Ключевые слова: метафора, политический дискурс, фрейм, слот, будущее.

Будущее никогда не воспринимается нейтрально. Человек ждет его, надеется, его пугает и манит неизвестность. Далекое будущее, страшное и пленительное, описывается в основных мифологиях и религиозных учениях – это рай и ад, последняя битва и грядущее возрождение мира.

Создание образа будущего напрямую зависит от метафор, используемых для описания «светлого» и «мрачного» будущего, от их способности пробуждать эмоциональные ассоциации, связанные с его ожиданием. Народная мечта создает сказочные образы краев, где текут кисельные реки в молочных берегах, где добро всегда побеждает зло, предсказывая «долгую и счастливую жизнь». Оптимисты рисуют образ «прекрасного будущего». Создатели политических утопий разных стран и эпох конструируют образ идеального общества, где все люди живут в радости и достатке [1].

Мир политики также обращен в грядущее, в день завтрашний. Современным СМИ, как правило, свойственен апокалипсический взгляд на вероятное развитие дел в России настоящего и тоска по прошлому. Каким же виделось будущее страны в XIX веке? Кто строил его? А кто тормозил развитие общества? Взглянем сквозь текст на контуры будущего, очерченные печатными изданиями XIX века.

В политике будущее часто ассоциируется с именем одного человека, поэтому компонентом образа будущего, несомненно, является образ политического лидера. С середины XIX века до начала XX века основы политической власти в России сохраняются незыблемыми – она по-прежнему остается неограниченной монархией: на престоле Российской Империи царствуют Александр II, Александр III и Николай II.

Образы монархии и Российской Империи отождествляются с ее верховным правителем: *Верховная власть в России вручена не парламенту, не иному коллективному учреждению, не бездушному механизму, а живому лицу, – человеку. И чем неограниченнее эта власть, тем менее может она мыслиться иначе как наделенною человеческою душою и сердцем.*

В этомъ все наши такъ-называемыя въ другихъ странахъ гарантіи (Русь, № 10, май 1884). Власть олицетворяется, моделирование в рамках физиологической метафоры, наделяет ее сердцем и душой, способностью любить, сопереживать, заботиться: Въ любви истиной, святой къ Россіи русскаго Государя можетъ сомневаться только тотъ, кто судитъ о немъ по себе, кто неспособенъ предположить въ другомъ ни искренности убеждений, ни безкорыстія действий, ни благородства стремленій (Вестникъ Юго-Западной и Западной Россіи, январь–декабрь 1863). Россия строится вокруг жесткой исполнительной вертикали: ее земли собираются веками, и по-другому ими управлять невозможно, отсюда стремление народа сложить всю власть в руки одного человека.

В текстах рассматриваемой исторической эпохи царь, монархия, Россия в целом с одной стороны, и правительство – с другой, воспринимаются дискретно. Во-первых, для текстов XIX века характерно воспевание и возвеличивание своей страны, противопоставление государственности и отчизны: Русь даже не государство, а міръ, понятіе о которомъ не исчерпывается политическимъ определениемъ (Русь, № 15, август 1884).

Во-вторых, государю, персонифицирующему монархическую власть и Российскую Империю, противопоставляется правительство: живому организму – бездушный мертвый официальный мир: Изъ кого же состоитъ этотъ оффиціальныи міръ? Въ Перербурге изъ несколькихъ стариковъ, выжившихъ или недожившихъ до ума; изъ несколькихъ крупныхъ грабителей, которые отстаиваютъ свою безнаказанность; изъ несколькихъ честолюбцевъ, централизаторовъ изъ подлости; изъ несколькихъ централизаторовъ по пристрастію къ канцелярскому благодетельствованію народа, этихъ не Петровъ великихъ, а Петровъ маленькихъ (Колоколь, № 4, 1961).

При репрезентации правительства также активны метафоры организма. Однако, если моделируя монархическую власть и образ государя, ее представляющего, метафоры несут позитивный заряд, то в прорисовке образа правительства, его настоящего и будущего оказываются востребованными метафоры «старость» и «смерть», пронизанные негативными смыслами: Смотрите у правительства размягченіе мозга, оно чуть дышитъ, оно умираетъ, оно умерло... Мертвые скачутъ проворно, скорость паденія растетъ въ десять тысячъ разъ на сто (Русь, № 5, 1981).

Помимо физиологических образов, при моделировании правительства, являющегося основным «тормозом» развития великой державы, частотны криминальные метафоры с яркими отрицательными векторами, нацеленные на дискредитацию существующей системы: *Чем же наконецъ окончится это преступное, это безобразное правительство, окруженное ворами, слепое и тупое?* (Колоколь, № 4, 1961).

Сценарий политического будущего подразумевает участие не только активных созидателей будущего, но и клиентов политических институтов.

В этой роли выступает население России. В текстах XIX века уделяется внимание следующим характерным чертам русского национального характера, которые, безусловно, окажут влияние на будущее развитие страны:

- Уникальность. Русский народ, по мнению авторов аналитических статей, нельзя судить и мерить стандартами других наций: *Въ той неспособности Славянь, въ которой Немцы видятъ низшую, неразвившуюся до нихъ натуру, мы видимъ залогъ нашего будущаго развитія! Ни Славяне, ни Мадьяры не составляютъ ни сателитовъ, ни даже попутчиковъ германскому міру. Славяне, это грядущая часть человечества, вступающая в исторію* (Колоколь, июнь 1859). Русские – эта нация будущего, народ, который сыграет ведущую роль в мировом развитии.

- Вера в государственность. Идея избранности народа в России соединяется с верой в государство, чьи принципы универсальны и применимы к любому обществу, немало внимания уделяется идеям славянской взаимности, пониманию славянства как единого целого: *Славяне должны желать Россіи счастья какъ верные братья и сердечно радоваться каждому ея успеху. Въ счастье Россіи славяне должны видеть персть Провиденія, которое не даромъ такъ возвысило одинъ изъ славянскихъ народовъ надъ всеми остальными, что между ними не можетъ быть спора о томъ, кому быть главой славянской семьи, кому иметь первенство и руководство* (Славянское обозрѣніе, Т. 2, май–август 1892). Громадное значение для распространения идеи славянской взаимности имело начавшееся со времен Петра I возвышение России, рост ее мощи, усиление политического и культурного влияния в Европе.

- Покорность, патернализм. По мнению печатных изданий XIX века, воспитанные веками покорность, привычка к покровительству оставили глубокий след в истории русского народа, и, безусловно, окажут влияние на его дальнейшую судьбу: *Русскій народъ любитъ чувствовать надъ собой деятельность власти – непременно бодрой, а не вялой, непременно сильной, а не слабой, непременно грозной на злодеевъ, неусыпно пекущейся надъ нимъ отечески-властно и любовно* (Русь, № 21, ноябрь 1884).

- Стоицизм, терпение, пассивность. Исследователи отмечают, что русский характер сформировался в условиях геополитической уязвимости и суровости природных условий. Среди черт русского характера главенствует стоицизм, безусловная готовность все претерпеть: *Русскій народъ издавна отличался долготерпениемъ, били насъ татары – мы молчали просто, били цари – молчали и кланялись, теперъ бьютъ немцы – мы молчимъ и уважаемъ ихъ!... Прогрессъ!...* (Колоколь, декабрь 1961).

- Максимализм. Русский – человек крайностей, в нем нет меры, середины: *Русскій по природе простъ и правдивъ, не умеетъ лгать себе самому, неспособенъ, какъ французъ, раззолачивать и украшать порокъ и ставить въ эффектную позу добродетель; порокъ является въ русскомъ во всей своей омерзительной наготѣ, а добродетель во всей своей наивной безхитростной простоте* (Беседа, № 1, 1971).

Метафоры рисуют образ народа – творца собственного будущего. Причем, все метафорические словоупотребления без исключения, относящиеся к различным сферам-источникам метафорической экспансии, нагружены позитивно.

Наиболее частотны метафоры родства, представляющие русский народ во-первых, членом семьи славянских народностей, моделирующие славянство как единое целое – «славянскую нацию», у которой одно будущее: *Исторія, будущность и нравственная личность русскаго народа неразрывно связаны съ исторіей, будущностью и нравственною личностію семьи славянскихъ народовъ* (Беседа, № 1, 1971).

Сам народ русский также является семьей, любящей и заботливой, связанной кровными узами: *Народъ – та же семья, только в большемъ размере и во второй формациі. Люди между собою въ народе – это братья по крови и по духу. Эти узы любви – узы реальные* (Русь, № 6, март 1884).

Как и должно быть в патриархальной семье, во главе ее отец-государь, который заботится и опекает своих любящих детей: *Происходя изъ патріархальнаго быта, и доселе в большинстве сохраняемаго русскими, безпредельная любовь къ Государю своему, необъяснимая въ нихъ какъ необъяснимо естественное влеченіе детей къ родителямъ, всегда была отличительною чертою русскаго, готоваго скорее лишиться жизни, нежели разстаться съ этимъ заветнымъ чувствомъ* (Вестникъ Юго-Западной и Западной Россіи, апрель 1863).

Народ – это цельный живой организм, тело которого скрепляется во-едино народным духом, мощью, внутренними силами: *Народъ же есть живое органическое целое, созданное самою природой человека и не расторгимое, пока есть въ немъ жизнь. Все члены народа сращены во-едино неразделимою, организующею его жизнь, силою народнаго духа. И народъ, и его государство созданы и живы только ею и сильны только ея мощью. Чемъ же образуется народное целое? Какія внутреннія силы, присущія природе человека, соединяють людей между собою и сращиваютъ ихъ въ одно народное тело? Где то начало, изъ котораго возникаетъ духъ этого тела?* (Беседа, № 1, 1971). Народу, представляющему единое целое, легче справиться с трудностями, возникающими на пути в будущее.

Метафоры пути указывают на постоянное движение вперед – в будущее, невозможность повернуть вспять: *Народъ, будучи нравственной личностію съ определеннымъ содержаніемъ, не всегда постоянно идетъ впередъ: онъ или останавливается въ своемъ развитіи, или слабеетъ духомъ; но никогда нейдетъ назадъ* (Беседа, № 3, 1971).

В текстах XIX века даже образы болезни, обычно отрицательно нагруженные, в представлении народа, как творца собственного будущего, несут положительный заряд: *Русскій народъ не растленъ и не боленъ; на немъ есть царапины, в прошедшемъ сделанныя людьми со взглядами подобными вашимъ взглядамъ, царапины вашими же лекарствами леченныя и не залеченныя – позвольте теперь полечить намъ* (Колоколь, январь 1859). Ме-

тафора болезни указывает на возможность исцеления, вероятность лучшего будущего для русского народа: *Везде на Руси закипает жизнь, везде обнаруживается деятельность, иногда нескладная, но здоровая, молодая и самобытная* (Колоколь, № 4, 1961).

Еще одной чертой характерной для представления будущего Российской Империи, в частности для описания его участников, является обращение к паремииологическому фонду русского языка: *Кроме всех своих похвальныхъ качествъ, Славянинъ веселъ, общителенъ, гостеприименъ, щедръ, беззаботенъ и непредусмотрителенъ. «Последняя копейка ребромъ»; «что въ печи, все на столъ мечи»; «не красна изба углами, красна пирогами», и т.п. народныя Русскія пословицы, древнія, какъ народъ, ясно изображаютъ Славянскій народный характеръ* (Северная пчела, № 176, 05.08.1855). Пословицы не только выявляют типичные черты русского народа, но и выражают мнение народа о самом себе.

Помимо паремий в текстах рассматриваемого периода при моделировании образов участников политического будущего Российской Империи продуктивным оказалось метафорическое русло фольклорных сказочных персонажей: *Въ исторіи бывають чудеса, мудренее всехъ сказочныхъ чудесъ, въ ней иногда спятъ крепче двенадцати спящихъ дев, въ ней точно такъ-же есть живая и мертвая вода, вода чрезвычайной памяти и удивительнаго забвенія. Не чудо-ли въ самом деле, что в продолженіи полутора вековъ мы не имели никакого понятія о русскомъ народе; были люди знавшіе русскую исторію, но современнаго народа не зналъ ни одинъ человекъ. Употребляя его въ снѣдь, тучнея от него, мы также мало думали о немъ, какъ о грешивой каше или буженине – питательно и хорошо. Народъ съ своей стороны не напоминал о себе, а только кланялся въ поясъ при всякомъ заеденномъ поколеніи. Ну въ какой же сказке, въ какомъ Бове королевиче, в какомъ Іеруслане Лазаревиче, вы найдете что нибудь удивительнее?* (Колоколь, декабрь 1859).

Характерные черты русского народа даются через обращение к положительному образу сказочного героя: *Сидитъ себе Иванъ-богатырь на своемъ родимомъ просторномъ поле. Всего у него избытокъ, силен онъ какъ никто, – и какъ никто же – простодушенъ и смиренъ, и ни на чье чужое добро, увалень, не зарится* (Русь, № 18, сентябрь 1884). Народ-богатырь, удивительнее всех сказочных персонажей, владеет огромными территориями, живет в богатом и сильном государстве, своего не отдаст, да и чужого не надо. Будущее у такого народа должно быть не менее сказочное, чем у его прототипа.

Тексты, в которых моделируется будущее Российской Империи, изобилуют контекстами, представляющими главных участников будущих событий – главу государства и его народ – как активных творцов будущего. Метафорические единицы нагружены позитивно. Метафоры пути зовут в будущее, обещают достижение некоего рубежа. Метафоры родства эксплицируют элемент взаимопонимания, терпимости, взаимной любви и заботы,

лежащих в основе взаимоотношений между главой государства и ее народом. Метафоры организма говорят о духовной близости славянских народов, сплоченности русского народа, его привязанности к Родине-матери. Светлое будущее оказывается связанным с оптимистическим восприятием политической ситуации даже в рамках концептуальной метафоры болезни.

Очевидно, что метафоры, сквозь призму которых мы видим будущее – ключ к новому отношению и восприятию самого будущего. Они создают образ будущего и творят само будущее. Видимо поэтому XIX век позволял говорить о том, что «прошедшее России удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего – оно выше всего, что только может представить себе самое пылкое воображение» (А. Бенкендорф). Нам есть к чему стремиться.

Библиографический список

1. Солопова О.А. Темпоральная ось метафорического сценария «Будущее России» (на материале политических текстов XX–XIX вв.) / О.А. Солопова // Вестник Южно-Уральского государственного ун-та. Серия «Лингвистика». – 2013. – Т. 10. – № 2. – С. 32–37.